

Григорий Шувалов

Поэт, литературный критик. Родился в 1981 году в пос. Ладва Республики Карелия. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Юрия Кузнецова, после его смерти перешёл на семинар Евгения Рейна). Стихи печатались в журналах «Москва», «Дети Ра», «Наш современник», «Подъём», «Родная Кубань», «Вологодский ЛАД», «Бельские просторы», альманахе «Крылья» (ЛНР), в «Литературной газете», «Литературной России» и др. изданиях, переведены на английский, болгарский, вьетнамский, китайский и якутский языки. Автор книги стихотворений «Восточка» (2017). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

* * *

Дождя глухие переливы,
в сознание – вспышка и обрыв.
Мне снятся атомные взрывы
и ты, похожая на взрыв.

И я от страха просыпаюсь,
и сердце ёкает в груди,
потом тебя найти пытаюсь,
но ты осталась позади.

За что мне это наважденье?
Скажи мне, Господи, ответь!
Зачем я должен жалкой тенью
на преисподнюю глядеть?

Я в темноте ищу одежду,
совсем не нужную сейчас.
Не забирай у нас надежду,
когда любовь уйдёт из нас.

С утра проснёшься на работу,
а день такой же, как вчера.
Попил чайку, прогнал зевоту,
уж на работе быть пора.

Идёшь и думаешь о разном:
о смысле жизни, о судьбе,
о нашем мире безобразном,
и вдруг привидится тебе,

как будто ты один в ответе
за этот дикий вертоград,
но так же умирают дети,
и так же нищие смердят,

низы молчат, верхи воруют,
сосед спешит за наркотой,
и так же женщины торгуют
своей фальшивой красотой.

Бушуют войны и раздоры,
в умах разруха и бардак,
и бесполезны уговоры
и обещанья райских благ.

И ты уже придумал кары:
болезни, бедствия, потоп,
готовишь бури и пожары
и истребление нон-стоп.

Готов разрушить всё на свете,
сам свет тебе уже не мил.
Но вот во двор выходят дети,
и ты прощаешь этот мир.

Москвы боксерскую перчатку
мне надоело отражать,
уехать, что ли, на Камчатку,
чтоб дальше некуда бежать.

Пожить в натуре на вулкане
у провидения в долгу,
купаться в Тихом океане,
палить костер на берегу.

Затихариться глупым дронтом,
ловить несбыточный момент,
и пусть шумит за горизонтом
американский континент.

ЛЕНСКИЕ СТОЛБЫ

С теплохода сбежавшая шайка
отдыхающих мчится вперёд.
– Как живешь, бурундук-попрошайка?
Я принёс для тебя бутерброд.

Под ногами раскинулась Лена
и песчаный на ней островок.
Здесь бы дёрнулся глаз у Шопена
и за ухо схватился Ван Гог.

Останавливал б Фауст мгновенье,
«Быть!» – восторженно Гамлет кричал,
обретая орлиное зренье
в окружении первоначал.

Здесь Булгаков забыл б про наркотик,
а Есенин закончил запой,
на хора́х величайшей из готик,
сотворённой природой самой.

Человеку не выдумать круче,
интересней, загадочней, злей.
«Полоса на спине бурундучьей –
это память медвежьих когтей.

Сохранилась такая легенда...», –
говорил мне якутский друган
там, где Лена, как синяя лента,
убегает в седой океан.

* * *

На дворовый любительский праздник
Дед Мороз и Снегурка пришли,
за подарком спешит первоклассник,
детвору в хоровод увлекли.

«Новогоднюю» шпарит колонка,
поднимается звук до небес.
Новый год для любого ребёнка –
ожидание разных чудес.

Потихонечку день прибывает,
обещает прогноз гололёд,
двор пустынный снежком заметает,
и семья прибавления ждёт

* * *

Что могу я сказать про Донбасс?
Ну, бывал я там пару раз.

Слышал взрывы снарядов вдали,
видел травы на теле земли.

Видел ужас на лицах людей,
окон тьму, пустоту площадей,

как в заклеенном накрест окне
польхает рябина в огне,

как в едином порыве встаёт
мой несломленный русский народ.